

СЧАСТЛИВЫЕ ВСТРЕЧИ

Жизнь мчится так быстро, что не успеешь оглянуться, как юноша, в глаза которого мы с Алексеем Дмитриевичем Поповым внимательно вглядывались, пытаясь угадать, как сложится его творческая судьба, стал режиссером Малого театра. Невольно в памяти встает время, когда Леня Хейфец в 1958 году пришел в ГИТИС на курс, руководимый А. Д. Поповым и мной.

Леонид Хейфец — инженер-конструктор. Он оставил эту специальность раз и навсегда, но, очевидно, она наложила отпечаток на весь его внутренний склад.

Я не верю в постепенно растущую режиссерскую индивидуальность — не наблюдала случаев, чтобы она отсутствовала вначале и появлялась потом. Она очевидна сразу, а с годами лишь развивается в зависимости от множества обстоятельств. Хейфец с первого курса был одержим поисками смысла — смысла пьесы, смысла искусства, смысла жизни... С первых же этюдов было ясно, во имя чего он тот или иной этюд делает.

В нем было много от юношеского максимализма, от веры в существование и неразрушимости какой-то единой, абсолютно точной истины.

Получилось так, что я видела почти все работы Хейфеца.

То, как складывается его судьба, можно считать счастьем. В каждом ее повороте — масса трудностей, но все трудности творческого порядка — в этом счастье. Преддипломная практика не предполагает самостоятельной работы режиссера. Но когда в Рижском театре попросили рекомендовать молодого режиссера, я назвала Хейфеца, и он взялся за первую свою постановку. Это была пьеса «Сотворившая чудо» Гибсона. Когда спектакль был готов, я приехала в Ри-

гу. В спектакле шел бой — сражение за человеческое в человеке. Этот бой одержимы вели две молодые актрисы, одна играла учительницу, другая — слепого, глухонемого ребенка. Никакого любования несчастьем, никакой сентиментальности не было — спектакль казался скорее жестоким, как в жизни бывает жестоким застенчивый человек.

В качестве диплома Хейфец ставил спектакль «Шоссе на Большую Медведицу» Ю. Семенова в Центральном театре Советской Армии.

Мне показалось, что актеры в этом спектакле играли, если можно так сказать, взявшись за руки. На более сухом, профессиональном языке это можно назвать умением режиссера организовать участников спектакля вокруг себя. Очень четкое решение сценического пространства, четкость и определенность мизансцен.

Я считаю судьбу Хейфеца счастливой, потому что он избежал той травмы, которую переживают многие. Свои спектакли он поставил совершенно самостоятельно, но, без малейшего вмешательства со стороны. Он сам выбирал метод репетиций, сам за него боролся, сам вел спектакль от начала до конца и если от чего-нибудь страдал, так это от самого себя, от своего собственного неумения. И промахи он исправлял тоже сам.

Леонид Хейфец — режиссер психологического театра. И я уверена, что к иному направлению он не примкнет никогда, куда бы его поиски ни устремились. Не так часто бывает, чтобы пристрастие молодого художника к определенной школе обнаружилось наглядно. «Мой бедный Марат» А. Арбузова был третьим спектаклем Хейфеца. Из многих сложных мотивов пьесы режиссер выбрал

главный. Он оттолкнулся от времени — 1942 год, год блокады, год колоссального человеческого напряжения, полной отдачи, кристальной чистоты. Человек, прошедший через испытания этого года, не имеет права терять то, что обрел тогда. Обостренная совесть — эта черта была мне всегда дорога в Хейфеце.

После удачного дипломного спектакля он был оставлен в Театре Советской Армии. Бывший главный режиссер ЦТСА Андрей Алексеевич Попов дал ему возможность спокойно и свободно встать на ноги. Хейфец рос и мужал в Театре Советской Армии. Рядом с ним росли актеры. Немногим режиссерам судьба дарит радость читать о себе слова уважения и благодарности актеров, с которыми они работали. Хейфец испытал и эту радость.

А. А. Попов вспоминал, что, несмотря на то, что в ЦТСА состоялось режиссерское рождение Хейфеца, «...пришел он к нам не робким новичком, у него было свое видение и четкая концепция спектакля, он мыслит трезво и умел логически обосновать каждое свое предложение... Художник сильной воли, большой творческой честности, он сумел заразить актеров своими идеями. Сумел создать на репетициях атмосферу увлекательных поисков». Описывая свою работу над ролью Ивана Грозного в спектакле «Смерть Иоанна Грозного» А. К. Толстого, А. А. Попов с благодарностью писал о Хейфеце, о том, как они вместе бились над созданием роли, как режиссер постепенно подводил его к своему представлению об образе. Спектакль этот вызвал большой интерес театральной Москвы. Хейфец победил великолепным спектаклем, А. А. Попов — прекрасным исполнением роли.

И тут случился неожиданный поворот судьбы... Повторилось то же, что произошло когда-то со мной. Когда мне пришлось уйти из МХАТа, Михаил Иванович Царев пригласил меня в Малый театр. Несмотря на то, что из этого ничего не вышло, во мне живет большая благодарность за его живой отклик. Через четверть века руководство Малого театра пригласило моего ученика — Леонида Хейфеца.

Первый спектакль, который был доверен ему, была пьеса Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского». Расплюева играл Игорь Владимирович Ильинский.

За сорок лет до постановки «Свадьбы Кречинского» в Малом театре И. Ильинский играл Расплюева у Мейерхольда. Талантливый актер не встал на позицию «воспоминаний о прошлой победе», а внимательно вслушивался в то новое, что предлагал ему молодой режиссер. А новое состояло в стремлении режиссера «...отсесть всю «театральщину» и штампы, накопившиеся за долгие годы сценической жизни этой в свое время очень популярной пьесы...» Ильинский пишет о том, что Хейфец анализировал пьесу так, что события и сюжет «...не служили лишь предлогом и условным фоном для комической игры Расплюева. На первый план выводился униженный, доведенный до полного опустошения Расплюев-человек... Он не только не смешон, он трагичен, убеждал меня Хейфец...»

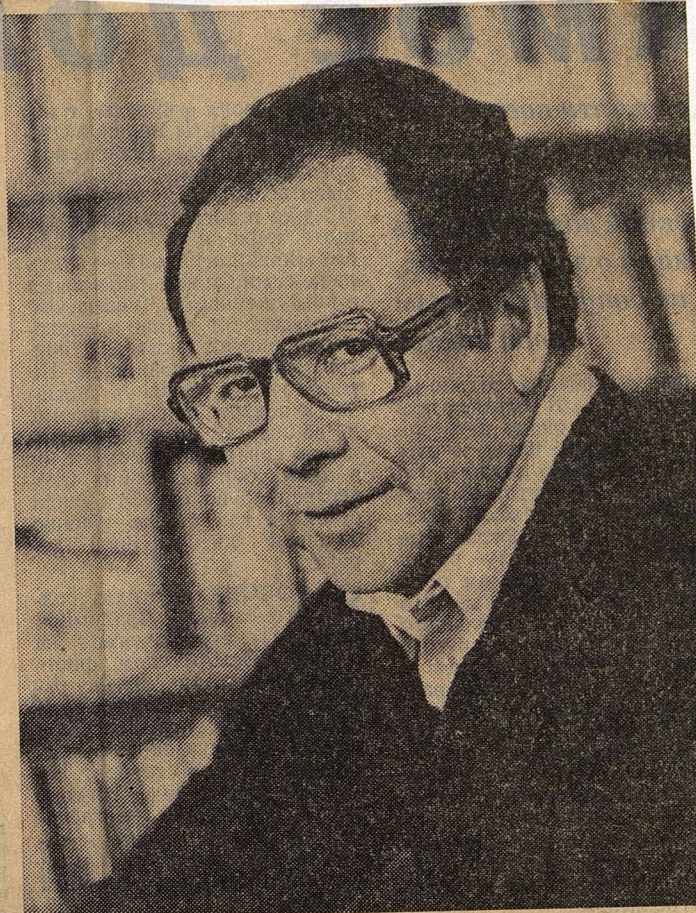
Думаю, что переход Хейфеца из театра, в котором он рос, в Малый был сложен. Ясно одно — уйдя из театра, который его вырастил, он твердо решил унести с собой школу А. Д. Попова. Думаю, что это было нелегко и потребовало от Хейфеца большого творче-

ского напряжения. Великое счастье, что в первой же работе он встретил людей, которые во главе с И. Ильинским пошли за ним.

Следующей постановкой Хейфеца была пьеса Гаупмана «Перед заходом солнца». Играли в ней: Маттиаса Клаузена — Михаил Иванович Царев, фрау Петерс — Елена Николаевна Гоголева и Инкен — Наталья Михайловна Вилькина, с которой Хейфец работал и в Театре Советской Армии. С М. Царевым и Е. Гоголевой встретился впервые. Встреча с актерами, высоко несущими знамя традиций Малого театра, была нелегкой задачей для Хейфеца. Он вновь не растерялся, вновь предложил им в процессе репетиций то, во что верил, что исповедовал, и вновь победил. Царев — актер и руководитель Малого театра — принял его. Елена Николаевна Гоголева перечисляет ряд качеств Хейфеца, среди них «любовь к актеру, умение работать с ним».

Вслед за тем Хейфец взялся за современную пьесу — «Летние прогулки» А. Салынского. Играла молодежь — В. Соломин, Н. Вилькина, А. Потапов. С молодежью Хейфецу было, наверное, легче, свободнее. Следующим спектаклем был «Заговор Фиеско» Шиллера. Фиеско играл В. Соломин, М. Царев — Веррина, Джулия — Н. Корниенко, Леонора — Н. Вилькина. А затем «Король Лир» — пьеса, о которой Хейфец мечтал много лет.

Встречу Хейфеца с драматургом А. Галиным я считаю большой удачей. (Она напоминает мне встречу Эфроса и Ефремова с Розовым). Режиссер и драматург нашли общий творческий язык. В результате возник спектакль «Ретро», радующий нас актерскими победами и ансамблем. И. Любез-

нов создал трагикомедийный образ одинокого старика, блеснули давно не имевшие ролей М. Овчинникова, Г. Демина, Е. Солодова. Никита Подгорный в последний раз поразил острой наблюдательностью и умением проникнуть в авторский замысел.

Естественным для меня было, что Хейфец и Галин не могли расстаться после «Ретро», и режиссер, свободный от репетиций в Малом театре, поставил «Восточную трибуну» в «Современнике». Встреча с театром, который Хейфец любил как зритель, обогатила его. С А. Покровской, Л. Ахеджаковой, Н. Дорошиной, О. Табаковым было интересно работать, но дом его — Малый театр. В

нем он готовится к следующим спектаклям...

Есть еще одно важное событие в жизни Леонида Хейфеца, которое связывает его со мной. Он стал педагогом ГИТИСа и вместе с Н. Зверевой и О. Кудряшовым помогает мне в воспитании молодежи. У нас общие позиции — эстетические и этические. Мы верим в силу учения Станиславского и Немировича-Данченко. И мне легко и радостно работать вместе с моими друзьями.

М. КНЕБЕЛЬ,
народная артистка РСФСР.

Заслуженный деятель искусств РСФСР, режиссер Л. Хейфец.

Фото В. Кузнецова.